

УДК 882–1+840

DOI 10.17223/19986645/21/9

А.Б. Стрельникова

ИЗ НЕИЗДАНЫХ ПЕРЕВОДОВ Ф. СОЛОГУБА: «МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ В ПРОЗЕ» Ш. БОДЛЕРА

Статья представляет собой публикацию ранее не издававшихся переводов Ф. Сологуба из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера. Данные переводы хранятся в архиве Ф. Сологуба в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Переводы стихотворений «Чужеземец», «Отчаяние старухи», «Le confiteur de l'artiste», «Толпа», «Шут и Венера», «Собака и духи» являются законченными работами и дают представление об одном из аспектов переводческой деятельности Ф. Сологуба.

Ключевые слова: Сологуб, Бодлер, стихотворения в прозе.

Ф. Сологуб много переводил с французского – из Вольтера, О. де Бальзака, А. де Ренье, Г. де Мопассана, Т. Готье, В. Гюго, П. Верлена, А. Рембо, С. Малларме и др. Хотя в авторской картотеке переводов, обнаруженной в архиве писателя, нет упоминания о Ш. Бодлере, в архивах Ф. Сологуба есть переводы некоторых стихотворений в прозе из «Маленьких поэм в прозе» (позже публиковавшихся под заглавием «Парижский сплин»).

К 1898 г. Ф. Сологубом уже опубликованы три книги: «Стихи, книга первая», роман «Тяжёлые сны» и «Тени» – объединённый сборник рассказов и второй книги стихов. Причин обращения Ф. Сологуба к творчеству Ш. Бодлера на этом этапе творческой деятельности может быть как минимум две.

Во-первых, в 1897 г. Сологуб порывает с редакцией «Северного вестника», в котором начал свою литературную деятельность, из-за разногласий в идейно-литературных вопросах. В декабре 1896 г. вышла статья редактора «Северного вестника» А.Л. Волинского, обличающая декадентов, к числу которых был причислен и Сологуб. Символизм в России стал ассоциироваться с духовностью и высокими идеалами, в то время как декадентство приравнивалось к безнравственности и «упадку». Сологуб напишет ответную статью «Не постыдно ли быть декадентом?», в которой объясняет естественную преемственность между декадентством и символизмом. Во Франции, где зародились эти литературные направления, подобного противостояния не было: «Манифест символизма» Ж. Мореаса (1886 г.), напротив, объединял под знаменем символизма тех, кого именовали декадентами, – Ш. Бодлера, П. Верлена, С. Малларме. Таким образом, работу Ф. Сологуба в начале 1898 г. над переводами из Ш. Бодлера – одной из центральных фигур символизма – можно объяснить внутренней потребностью обращения к литературным первоисточкам.

Примечателен и выбор поэтического произведения. Известность Ш. Бодлеру принес сборник «Цветы зла» («Les Fleurs du mal») 1857 г., появление которого связывают с началом нового этапа в развитии французской поэзии. Однако объектом сологубовского интереса становится сборник «Маленькие поэмы в прозе» («Petits poèmes en prose»), опубликованный посмертно в 1869 г. В состав сборника вошли 50 стихотворений, написанные в период с

1855 по 1864 г. и выходившие при жизни поэта в различных литературных журналах. Сборник «Маленькие поэмы в прозе» (позже «Парижский сплин: Маленькие поэмы в прозе») стал новаторским и по форме, и по содержанию. В нем лиричность сочеталась с афористичностью, циклизация реализовывалась через фрагментарность. Как пишет сам Ш. Бодлер в предисловии к сборнику, это «произведение, у которого нет ни головы, ни хвоста... Удалите любой отрезок – и две половинки этой извилистой фантазии без труда соединятся друг с другом» [1. С. 295]. Новая жанровая форма текстов есть стремление Ш. Бодлера, с его собственных слов, «создать чудо стихотворной прозы, музыкальной без ритма и рифмы, достаточно гибкой и неровной, чтобы приспособиться к лирическим порывам души, к поворотам фантазии, к метаниям совести» [1. С. 295]. Вероятно, эта новаторская форма заинтересовала и Ф. Сологуба: в этом жанре он переводит также из А. Рембо и О. Уайльда.

В начале XX в. «Маленькие поэмы в прозе» стали издаваться на русском языке в переводе А. Александровича [2], М. Волкова [3], Эллиса [4]. Из сологубовских переводов был опубликован только один текст – стихотворение в прозе «Каждому своя химера» [5] (оригинальное «Chacun sa chimère»), что зафиксировано и в авторской библиографии 1909 г. [6]. Остальные переводы не издавались и публикуются впервые со ссылкой на архивы Ф. Сологуба [7], хранящиеся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН¹.

Тексты печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации. Явные опiski автора и опечатки в машинописи исправлены в тексте без оговорок. Заглавия стихотворений воспроизводятся по архивным данным. В каждом случае приводится произведение в оригинале, дается ссылка на архивный источник (номер описи, единицы хранения и листа в скобках), указывается дата перевода (если есть).

L'ÉTRANGER

– Qui aimes-tu le mieux, homme énigmatique, dis ? ton père, ta mère, ta sœur ou ton frère?

– Je n'ai ni père, ni mère, ni sœur, ni frère.

– Tes amis?

– Vous vous servez là d'une parole dont le sens m'est resté jusqu'à ce jour inconnu.

– Ta patrie?

– J'ignore sous quelle latitude elle est située.

– La beauté?

– Je l'aimerais volontiers, déesse et immortelle.

– L'or?

– Je le hais comme vous haïssez Dieu.

– Eh! qu'aimes-tu donc, extraordinaire étranger?

– J'aime les nuages... les nuages qui passent... là-bas... les merveilleux nuages!

[8. С. 7]

¹ Бесконечная благодарность старшему научному сотруднику ИРЛИ РАН М.М. Павловой, всячески способствовавшей организации работы в архиве.

ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

– Кого же ты больше всех любишь, странный человек, скажи? Отца, мать, сестру или брата?

– Нет у меня ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.

– Друзей?

– Не понимаю этого слова.

– Отечество?

– Не знаю, где оно.

– Красоту?

– Да, я охотно полюбил бы ее, будь она божественною и бессмертною.

– Золото?

– Я его так же ненавижу, как вы ненавидите Бога.

– Так что же ты любишь, странный чужеземец?

– Я люблю облака... облака, которые проходят... там... дивные облака!

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 10–11]

LE DÉSESPOIR DE LA VIEILLE

La petite vieille ratatinée se sentit toute réjouie en voyant ce joli enfant à qui chacun faisait fête, à qui tout le monde voulait plaire ; ce joli être, si fragile comme elle, la petite vieille, et, comme elle aussi, sans dents et sans cheveux.

Et elle s'approcha de lui, voulant lui faire des risettes et des mines agréables.

Mais l'enfant épouvanté se débattait sous les caresses de la bonne femme décrépète, et remplissait la maison de ses glapissements.

Alors la bonne vieille se retira dans sa solitude éternelle, et elle pleurait dans un coin, se disant: – «Ah! pour nous, malheureuses vieilles femelles, l'âge est passé de plaire, même aux innocents ; et nous faisons horreur aux petits enfants que nous voulons aimer!»

[8. С. 8]

ОТЧАЯНИЕ СТАРУХИ

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

Обрадовалась маленькая сморщенная старушка: она увидела ребенка, которого все ласкали и забавляли, – милое существо, слабое, как и она, маленькая старушка, и так же, как она, беззубое и безволосое.

И она подошла к нему, посмеиваясь, с ласковыми ужимками.

Но испугался ребенок доброй дряхлой женщины, и, отбиваясь от ее ласк, завизжал на весь дом.

И добрая старушка вернулась навсегда к своему одиночеству. Она плакала у себя в углу и приговаривала:

– Несчастные мы старушонки, прошло наше время: несмыслёночка полюбишь, – и того напугаешь!

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 16]

LE CONFITEOR DE L'ARTISTE

Que les fins de journées d'automne sont pénétrantes! Ah! pénétrantes jusqu'à la douleur! car il est de certaines sensations délicieuses dont le vague n'exclut pas l'intensité; et il n'est pas de pointe plus acérée que celle de l'Infini.

Grand délice que celui de noyer son regard dans l'immensité du ciel et de la mer! Solitude, silence, incomparable chasteté de l'azur! une petite voile frissonnante à l'horizon, et qui par sa petitesse et son isolement imite mon irrémédiable existence, mélodie monotone de la houle, toutes ces choses pensent par moi, ou je pense par elles (car dans la grandeur de la rêverie, le *moi* se perd vite!) ; elles pensent, dis-je, mais musicalement et pittoresquement, sans arguties, sans syllogismes, sans déductions.

Toutefois, ces pensées, qu'elles sortent de moi ou s'élancent des choses, deviennent bientôt trop intenses. L'énergie dans la volupté crée un malaise et une souffrance positive. Mes nerfs trop tendus ne donnent plus que des vibrations criardes et douloureuses.

Et maintenant la profondeur du ciel me consterne; sa limpidité m'exaspère. L'insensibilité de la mer, l'immutabilité du spectacle, me révoltent... Ah! faut-il éternellement souffrir, ou fuir éternellement le beau? Nature, enchanteresse sans pitié, rivale toujours victorieuse, laisse-moi! Cesse de tenter mes désirs et mon orgueil! L'étude du beau est un duel où l'artiste crie de frayeur avant d'être vaincu.

[8. С. 9–10]

*Le confiteor de l'artiste*¹

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

Как обаятельны осенние вечера! Ах! Обаятельны даже до печали! Есть в них эти нежные волнения, неясные, но мощные; и нет жала острее твоего, о беспредельность!

Какая великая радость погружать свой взор в неизмеримость неба и моря! Уединение, молчание, несравненная чистота лазури! Парус, трепещущий на горизонте, ничтожный и безнадежно уединенный, как я, однозвучная мелодия волн, все эти предметы мыслят мною, или я ими (ибо в величии мечтаний «я» теряется скоро!); они мыслят, но музыкально и живописно, без ухищрений, без силлогизмов и дедукций.

Однако эти мысли, исходят ли они от меня или извергаются предметами, становятся вскоре слишком напряженными. Энергия упоения создает тягость и положительное страдание. По моим, слишком натянутым, нервам пробегают только кричащие и скорбные колебания.

И теперь небесная глубина ужасает меня, небесная ясность приводит меня в отчаяние. Нечувствительность моря, невозможность зрелища меня возмущают. Ах! Надо ли вечно страдать, или вечно бежать от прекрасного? Природа, немилосердная очаровательница, соперница всегда побеждающая, оставь меня! Перестань искушать мои желания и мою гордость! Постигание прекрасного – такой поединок, в котором художнику быть побежденным – слишком ужасно.

15.02.98

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 40–42]

LES FOULES

Il n'est pas donné à chacun de prendre un bain de multitude: jouir de la foule est un art ; et celui-là seul peut faire, aux dépens du genre humain, une ribote de vitalité, à qui une fée a insufflé dans son berceau le goût du travestissement et du masque, la haine du domicile et la passion du voyage.

¹ Приписано рукой Ф. Сологуба.

Multitude, solitude : termes égaux et convertibles pour le poète actif et fécond. Qui ne sait pas peupler sa solitude, ne sait pas non plus être seul dans une foule affairée.

Le poète jouit de cet incomparable privilège, qu'il peut à sa guise être lui-même et autrui. Comme ces âmes errantes qui cherchent un corps, il entre, quand il veut, dans le personnage de chacun. Pour lui seul, tout est vacant ; et si de certaines places paraissent lui êtres fermées, c'est qu'à ses yeux elles ne valent pas la peine d'être visitées.

Le promeneur solitaire et pensif tire une singulière ivresse de cette universelle communion. Celui-là qui épouse facilement la foule connaît des jouissances fiévreuses, dont seront éternellement privés l'égoïste, fermé comme un coffre, et le paresseux, interné comme un mollusque. Il adopte comme siennes toutes les professions, toutes les joies et toutes les misères que la circonstance lui présente.

Ce que les hommes nomment amour est bien petit, bien restreint et bien faible, comparé à cette ineffable orgie, à cette sainte prostitution de l'âme qui se donne tout entière, poésie et charité, à l'imprévu qui se montre, à l'inconnu qui passe.

Il est bon d'apprendre quelquefois aux heureux de ce monde, ne fût-ce que pour humilier un instant leur sot orgueil, qu'il est des bonheurs supérieurs au leur, plus vastes et plus raffinés. Les fondateurs de colonies, les pasteurs de peuples, les prêtres missionnaires exilés au bout du monde, connaissent sans doute quelque chose de ces mystérieuses ivresses; et, au sein de la vaste famille que leur génie s'est faite, ils doivent rire quelquefois de ceux qui les plaignent pour leur fortune si agitée et pour leur vie si chaste.

[8. C. 31–32]

ТОЛПА

Из «Маленьких поэм» Ш. Бодлера

Не каждому дана радость многолюдства: веселиться в толпе – искусство; и только тот может пиршествовать на счет человеческого рода, кому фея навевала в колыбели вкус к переодеваниям и личинам, ненависть к домашнему очагу и страсть к путешествиям.

Многолюдство, одиночество: положения одинаковые и взаимозаменяемые для поэта деятельного и плодовитого. Кто не умеет населить свое одиночество, тот тем более не сумеет быть один в толпе занятых чем-нибудь людей.

Поэт пользуется тем несравненным преимуществом, что он может по воле быть или самим собою, или иным. Как одна из тех блуждающих душ, что ищут себе тела, он входит, когда хочет, в личность каждого. Ему одному все открыто, и если иные места кажутся ему замкнутыми, так это потому, что, на его взгляд, их и посещать не стоит.

В страннике одиноком и размышляющем удивительный восторг производит это всемирное общение. Кто легко сочетается с толпой, тот испытывает лихорадочные радости, которых навсегда лишен эгоист, замкнутый, как сундук, и ленивец, спрятавшийся, как улитка. Ему как свои все занятия, все радости и все печали, которые покажет ему случай.

То, что люди именуют любовью, так мало, узко и слабо в сравнении с этим неизреченным разгулом, с этим священным распутством души, которая отдается всецело, со всею поэзией и благостью, непредвиденному и неизвестному, всему, что является и приходит.

Хорошо бы узнать иногда счастливым этого мира, хотя бы для краткого унижения их глупой спеси, что есть счастье более высокое, обширное и утон-

ченное. Основатели колоний, пастыри народов, миссионеры, заброшенные на край света, причастны, без сомнения, этим таинственным восторгам; и на лоне обширной семьи, созданной их гением, они должны иногда смеяться над теми, кто их жалеет за такую беспокойную судьбу и за такую непорочную жизнь.

20.02.98

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 40–42]

LE FOU ET LA VÉNUS

Quelle admirable journée! Le vaste parc se pâme sous l'œil brûlant du soleil, comme la jeunesse sous la domination de l'Amour.

L'extase universelle des choses ne s'exprime par aucun bruit; les eaux elles-mêmes sont comme endormies. Bien différente des fêtes humaines, c'est ici une orgie silencieuse.

On dirait qu'une lumière toujours croissante fait de plus en plus étinceler les objets; que les fleurs excitées brûlent du désir de rivaliser avec l'azur du ciel par l'énergie de leurs couleurs, et que la chaleur, rendant visibles les parfums, les fait monter vers l'astre comme des fumées.

Cependant, dans cette jouissance universelle, j'ai aperçu un être affligé.

Aux pieds d'une colossale Vénus, un de ces fous artificiels, un de ces bouffons volontaires chargés de faire rire les rois quand le Remords ou l'Ennui les obsède, affublé d'un costume éclatant et ridicule, coiffé de cornes et de sonnettes, tout ramassé contre le piédestal, lève des yeux pleins de larmes vers l'immortelle Déesse.

Et ses yeux disent: – « Je suis le dernier et le plus solitaire des humains, privé d'amour et d'amitié, et bien inférieur en cela au plus imparfait des animaux. Cependant je suis fait, moi aussi, pour comprendre et sentir l'immortelle Beauté! Ah! Déesse! ayez pitié de ma tristesse et de mon délire!»

Mais l'implacable Vénus regarde au loin je ne sais quoi avec ses yeux de marbre.

[8. С. 18–19]

ШУТ И ВЕНЕРА

Из «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера

Какой дивный день! Обширный парк замер под знойным взором солнца, как юность под владычеством любви.

Всемирный восторг не выражается никаким шумом; даже воды словно спят. Совсем непохожая на человеческие торжества, эта – молчаливая оргия.

Кажется, что в непрерывно возрастающем свете все предметы блистают все ярче и ярче, что возбужденные цветы пылают желанием соперничать с лазурью неба энергией своих красок и что зной, делая благоухания видимыми, подымает их, как дым, к светилу.

Однако среди этой всеобщей радости я замечаю огорченное существо.

У ног колоссальной Венеры один из этих глупых искусников, этих добровольных шутов, обязанных смешить царей, когда их томит скука или совесть, – одетый пестро и смешно, с рожками и гремушками в прическе, тянется к пьедесталу и подымает к бессмертной богине глаза, полные слез.

И глаза его говорят: «Я – самый последний и самый одинокий из людей, – я лишен любви и дружбы, и самые ничтожнейшие животные превосходят в этом меня. Но и я создан, чтобы понимать и чувствовать бессмертную красоту. О, богиня, сжался над моей печалью и моим безумием!»

Но неумолимая Венера смотрит вдаль куда-то своими мраморными глазами.
[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 61–62]

LE CHIEN ET LE FLACON

« – Mon beau chien, mon bon chien, mon cher toutou, approchez et venez respirer un excellent parfum acheté chez le meilleur parfumeur de la ville».

Et le chien, en frétilant de la queue, ce qui est, je crois, chez ces pauvres êtres, le signe correspondant du rire et du sourire, s'approche et pose curieusement son nez humide sur le flacon débouché ; puis, reculant soudainement avec effroi, il aboie contre moi en manière de reproche.

« – Ah! misérable chien, si je vous avais offert un paquet d'excréments, vous l'auriez flairé avec délices et peut-être dévoré. Ainsi, vous-même, indigne compagnon de ma triste vie, vous ressemblez au public, à qui il ne faut jamais présenter des parfums délicats qui l'exaspèrent, mais des ordures soigneusement choisies».

[8. С. 20]

СОБАКА И ДУХИ

Из «Маленьких поэм» Ш. Бодлера

– Милая моя собачка, славный мой песик, подойди, понюхай эти прелестные духи; они – от лучшего в городе парфюмера.

И собака, помахивая хвостиком, – знак, который соответствует, я думаю, у этих бедных животных смеху и улыбке, – подошла и с любопытством протянула свой влажный нос к открытому флакону; потом, в ужасе попятившись, она укоризненно залаяла на меня.

– Ах ты, негодная собака! если бы я поднес тебе сверток с испражнениями, ты бы их с наслаждением обнюхала и, может быть, сожрала бы. Недостойный товарищ моей печальной жизни! И ты похож на читающую толпу, которой надо всегда предлагать не тонкие ароматы, выводящие ее из себя, а тщательно выбранную дрянь.

[7. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 68]

Литература

1. Бодлер Ш. Посвящение // Бодлер Ш. Цветы зла и Стихотворения в прозе в переводе Эллиса. Томск: Водолей, 1993. С. 295–296.
2. Бодлэр Ш. Маленькие поэмы в прозе / пер. и вступ. ст. А. Александровича [А.А. Булгакова]. М., 1902. 128 с.
3. Бодлэр Ш. Маленькие поэмы в прозе / пер. с фр. М. Волкова. СПб., 1909. 100 с.
4. Бодлэр Ш. Стихотворения в прозе / пер. Эллиса [Л.Л. Кобылинского]. М.: Мускетер, 1910. 185 с.
5. Новая жизнь. Иностранная литература. 1905. № 9. С. 4.
6. Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч. 1. СПб., 1909. 31 с.
7. Архивный фонд ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 289. Ф.К. Сологуб.
8. Baudelaire Ch. Petits poèmes en prose, Les Paradis artificiels. Paris: Michel Lévy frères, 1869. 468 p.